

Глава 11. Охота за пределами поселения

— Нездоровится? — Кэмпбелл мигом посерьёзnel. Вцепившись руками в плечи Таотэ, он принялся дотошно, с ног до головы осматривать друга, словно вознамерился сорвать с того одежду, чтобы проверить каждую царапину. — Что случилось? Всё нормально? Может, сходим к лекарю?

Таотэ вздохнул и, мягко высвободившись из его хватки, зашагал дальше, к выходу из поселения.

— Я уже был у лекаря.

— И куда ты тогда намылился? — переменявшись в лице, спросил Кэмпбелл. Его взгляд так и лип к Таотэ.

Повзрослевший Кэмпбелл выглядел весьма недурно. От бывшего сопливого сорванца не осталось и следа — парень изменился до неузнаваемости.

Он вырос ладно скроенным крепышом. Короткие, слегка взъерошенные волосы, мужественное лицо с резкими чертами, над правой бровью — шрам в виде креста. В сочетании с высокой переносицей и большими выразительными глазами всё это придавало ему диковатое, но притягательное очарование.

Стоило Кэмпбеллу нахмуриться, как от него начинала исходить тяжёлая, давящая аура. Мало кто осмеливался выдерживать его прямой взгляд.

Ростом он не выдался исполином, зато в силе и звериной трансформации мало кто мог с ним сравниться. Ещё два года назад он вступил в племенной Корпус самообороны, где быстро заслужил репутацию сурового и грозного командира.

Среди бойцов Кэмпбелл пользовался немалым авторитетом: сородичи его искренне уважали и ловили каждый слух, с ним связанный. Особое любопытство вызвала отметина у него на лбу — о происхождении этого шрама ходили самые невероятные легенды. Поговаривали, будто он получил его в жестокой схватке с чужаками, или что это памятный знак, оставшийся после того, как он в одиночку переломил ход смертельного боя...

Таотэ же прекрасно помнил истинную историю. Когда Кэмпбеллу было десять, у него зачесались руки залезть на вековое дерево за околицей. Мальчишка ухитрился застрять ногой между ветками, а когда в панике высвобождался, рухнул вниз тормашками, вспахав носом землю.

После этого приключения бедолага хныкал несколько дней кряду.

Таотэ тогда наблюдал за всей сценой с ледяным равнодушием. И теперь, стоило кому-то в его присутствии завести речь о «воинской доблести» Кэмпбелла, как тот мгновенно заливался краской. Лицо у грозного командира становилось багрово-сизым, точь-в-точь как варёное свиное лёгкое.

Таотэ скользнул взглядом по плетущемуся следом приятелю и небрежно спросил:

— Когда в этом году намечается весенняя вылазка?

Вылазка — особое событие в жизни оборотней. Каждое лето они устраивали масштабный поход всем племенем. Они собирались большими группами и отправлялись в глубь окрестных лесов на поиски пропитания. Всё спелое и пригодное в пищу тут же собирали, а незрелые плоды помечали особыми знаками, чтобы вернуться за ними позже, когда нальются соком.

Подобные походы устраивались лишь дважды в год: в начале лета и в конце осени. В них принимала участие добрая половина жителей деревни.

Сейчас как раз стояло начало лета, так что время поджимало.

Таотэ расспрашивал Кэмпбелла не из праздного любопытства — ему нужно было подготовиться к долгому отсутствию. Теперь в его доме обитал крошечный человечек, которого требовалось кормить и оберегать. Оставить малыша без присмотра на несколько дней — непозволительная роскошь, а значит, следовало всё тщательно спланировать.

— Да вот-вот, дней через десять-пятнадцать, — ответил Кэмпбелл.

Заговорив о деле, он мгновенно подобрался, растеряв всю свою ребячливость. Перед посторонними этот суровый командир никогда не давал волю чувствам: лицо его превращалось в холодную, непроницаемую маску. Никаких шуток или поблажек. Бойцы из Корпуса самообороны одновременно уважали его и до смерти боялись разгневать — спуску он не давал никому.

Самого Кэмпбелла такое положение дел вполне устраивало. Из года в год он оставался непреклонным и требовательным вожаком, и лишь рядом с Таотэ позволял себе искренне улыбаться и быть самим собой.

— Ты поведёшь отряд? — спросил Таотэ.

Обычно весеннюю вылазку возглавляли именно опытные бойцы из Корпуса самообороны, чтобы обеспечить безопасность соплеменников в глухой чаще.

— Как ты догадался? — Кэмпбелл довольно прищурился, отчего его суровый взгляд заметно смягчился.

— Стал бы ты иначе так сиять, — хмыкнул Таотэ.

— Хе-хе... — Кэмпбелл глуповато ухмыльнулся. За столько лет дружбы он так и не привык к пронизательности Таотэ, каждый раз искренне поражаясь его уму.

Сама мысль о предстоящем походе будоражила его кровь.

— Как только назначат точный день, я сразу сообщу, — пообещал Кэмпбелл. Они уже миновали массивные ворота и вышли за пределы поселения, но Таотэ и не думал останавливаться, продолжая мерить шагами тропу. — Погоди, а ты-то куда собрался?

— Я несколько дней просидел взаперти, хочу размяться, — бросил Таотэ.

Стянув с плеч накидку из звериной шкуры, он туго обвязал её вокруг пояса. Затем он резко дёрнулся плечами, опустил на четыре лапы и прямо на ходу совершил звериную трансформацию.

Зверь Таотэ не отличался исполинскими размерами. В отличие от тяжеловесов, бравших исключительно грубой силой, его ипостась была более поджарой и стремительной. Впрочем, и чистокровным бегуном его назвать было нельзя. Внешне он походил на огромного волка, но с куда более мощными, словно пружинящими задними лапами, приспособленными для резких бросков.

Пусть по чистой скорости он и уступал признанным гончим племени, огромная физическая мощь с лихвой компенсировала этот недостаток. Опасный, смертоносный хищник.

Когда Кэмпбелл только вступил в Корпус самообороны, Таотэ тоже настойчиво зазывали в свои ряды, но он наотрез отказался.

Кэмпбелл искренне полагал, что у друга просто нет призвания к ратному делу и он не любит проливать кровь. И лишь сам Таотэ знал истинную причину: ему было банально лень связываться со всей этой суетой.

Столкновения между соседними племенами вспыхивали по малейшему поводу. Даже благодатным летом, когда дичи и съестных припасов хватало с избытком, оборотни ухитрялись развязывать кровавые распри из-за сущей чепухи. Разумеется, в таких условиях Таотэ предпочитал держаться от Корпуса самообороны как можно дальше.

При виде великолепного зверя Кэмпбелл невольно залюбовался им, но восхищение быстро сменилось тревогой.

— Куда тебя несёт на ночь глядя? — недоумевал он. Таотэ прожил в этих краях всю жизнь и прекрасно знал, как опасен ночной лес. Зачем так глупо рисковать?

Окажись на месте Кэмпбелла любой другой охотник, он костями бы лёг, но не пустил его за ограду.

— Я быстро, не поднимай шум, — глухо зарычал Таотэ и, круто развернувшись, растворился в сгущающихся сумерках.

Несколько дней назад он заприметил на лесной поляне густые заросли дикого батата. Дома тогда ещё оставалось вяленое мясо, да и клубни были мелковаты, поэтому Таотэ просто наспех пометил место и оставил их дозревать. По его расчётам, сейчас плоды как раз налились силой и просились в котелок.

Зная точное направление, хищник мчался во весь опор, за считанные мгновения углубившись в чащу.

Солнце лениво цеплялось за верхушки деревьев, и под вековым куполом ветвей воцарился глухой мрак. Лишь редкие багровые лучи заката пробивали плотную листву, ложась на землю зыбкими пятнами.

Таотэ уверенно лавировал между мощными стволами, не сбавляя темпа ни на секунду.

До заветной поляны оставалось всего ничего, как вдруг тонкий слух уловил подозрительный шорох позади.

Хищник резко затормозил, взметая когтями влажный дёрн, и развернулся навстречу преследователю.

— Кто здесь? А ну выходи!

Шаги за спиной звучали чётко, но преследователь не пытался таиться, да и жаждой крови от него не пахло.

— Да не рычи ты так, это я... — из-за массивного ствола показалась исполинская фигура. Кэмпбелл тоже принял боевую форму, обратившись в огромного полосатого тигра.

Он неторопливо приблизился, плавно покачивая тяжёлым хвостом. Будучи вдвое крупнее волка, этот грозный хищник бесцеремонно развалился прямо перед Таотэ на траве, подставив под прохладный вечерний ветерок мягкое белое брюхо.

— Переживал за тебя, вот и увязался следом.

Тигриный облик Кэмпбелла внушал трепет любому чужаку, но рядом с другом грозный зверь превращался в ласкового домашнего кота. За долгие годы Таотэ привык к этим повадкам и

больше не удивлялся.

Он расслабил напряжённую спину и зашагал дальше к поляне.

— Шёл бы ты домой. Твой а-му Сидни испереживается весь, если к темноте не вернёшься.

С тех пор как Кэмпбелл вступил в Корпус самообороны и повадился приносить домой глубокие раны, его а-му Сидни места себе не находил от постоянного страха за сына.

Поняв, что Таотэ не злится, тигр довольно заурчал и послушно поплёлся следом, стараясь не наступать на пятки своему некрупному спутнику.

— Слушай, если тебе нездоровится, ты только скажи. Я мигом прибегу, подсоблю чем надо. Да и запасов еды у меня дома полно, — Кэмпбелл усердно косился на покачивающийся волчий хвост, и его изумрудные кошачьи глаза забавно двигались в такт каждому движению Таотэ.

— Не выдумывай глупостей, — отозвался Таотэ. — Просто слабость навалилась, лень было нос на улицу показывать.

Прорвавшись сквозь густые заросли подлеска, они вышли на небольшую прогалину, залитую мягким вечерним светом. Именно здесь рос облюбленный им батат.

Но, увы, охотники опоздали — кто-то успел хозяйничать здесь до них.

На прогалине возились двое соплеменников. Таотэ не поддерживал с ними близких отношений, но частенько сталкивался в деревне, так что лица их были ему хорошо знакомы.

Пока Таотэ разглядывал незваных гостей, те тоже заметили прибывших.

— Надо же, какая встреча! Чего это вы тут забыли? — спросил один из них.

Руки его были по локоть в липкой земле, а у ног лежала аккуратная горка из десятка крупных, только что выкопанных клубней батата.

Второй соплеменник застыл в ипостаси дикого кота — судя по всему, он просто пробежал мимо, учуял пищу и решил помочь товарищу с добычей.

— Эй... это вообще-то припасы Таотэ, — Кэмпбелл угрожающе шагнул вперёд, заслоняя друга своим массивным телом. Поскольку тигр был огромен, некрупный волк оказался прямо под его тяжёлой грудью.

Таотэ почувствовал себя крайне неуютно в такой тесноте и попытался вылезти из-под мохнатого навеса, но Кэмпбелл бесцеремонно накрыл его огромной, мягкой лапой и задвинул обратно.

В итоге Таотэ плюхнулся на пятую точку, упершись спиной прямо в пушистый бок тигра.

— Кэмпбелл, имей совесть! — недовольно фыркнул волк, стряхивая с шерсти налипшую сухую хвою и грязь.

Но Кэмпбелл даже ухом не повёл. Он хищно прищурился, и в его голосе зазвенели ледяные нотки:

— А ну положите добычу на место.

Он ещё издали приметил на увядшей ботве батата аккуратный узел из сухой травы. Такой хитрый узор умел плести только Таотэ.

Среди оборотней это было обычным делом: натываясь в лесу на незрелые плоды или корни, никто не караулил их круглыми сутками. Нашедший просто оставлял на месте особый знак, заявляя права на будущий урожай.

В племени свято чтит негласное правило: чужие метки не трогать. Наглецы, пренебрегавшие этим законом, встречались редко и пользовались дурной славой. К тому же у каждого охотника был свой неповторимый почерк плетения знаков. Кэмпбелл слишком хорошо знал повадки Таотэ, чтобы ошибиться.

— С чего это мы должны верить на слово? Докажи, что это его бахча, — прошипел оборотень в облике дикого кота.

Судя по враждебному оскалу, отдавать лакомую добычу без боя эти двое не собирались.

<http://bllate.org/book/20392/2132444>